

С.А. Голубков
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
и связей с общественностью,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П.Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Повседневное и фантастическое: семантика границы

Аннотация: В статье идет речь о взаимосвязях между реальной повседневностью и фантастическим, о подвижности разделяющих их границ. Повседневность отличается повторяемостью ситуаций и событий, устойчивостью привычного предметного ряда. Между повседневностью и фантастическим пролегает дорога встречного движения. С одной стороны, человек, тяготясь повседневностью, нередко устремляется (реально или виртуально) в рискованные путешествия, например, в космический полет. С другой стороны, в повседневное течение земной жизни в связи с возрастающим потоком научных открытий и технических изобретений неожиданно вторгается новое, вчера еще казавшееся чистой фантастикой. Сфера бытовой повседневности и сфера фантастического вступают в процесс взаимного ценностного обмена. Это сопряжено с преодолением условных и безусловных границ, преград. Такие «стены» всегда приобретали в многомерном пространстве культуры свой символический капитал, как правило, связанный с переживанием и преодолением несвободы во всех ее формах и вариантах. Художественное сознание всегда было чутко к восприятию многомерного соотношения повседневного и фантастического. Нередко моменты соприкосновения этих сфер требовали от писателя обращения к новой поэтике, влияли на совокупность изобразительных приемов. Такой художественный язык помогал увидеть и анекдотически-смехотворное, и глубоко трагедийное во всех противоречиях между каждодневным и фантастически запредельным. Подвижная граница между сегодняшней реальной повседневностью и фантастическим ощущается и людьми подготовленными, посвященными, и носителями профанного сознания, для которых новая техническая реальность еще долго будет оставаться необъяснимым чудом. Но в любом случае художнику всегда интересен человек, оказавшийся на таком парадоксальном пограничном изломе бытия.

Ключевые слова: повседневность, фантастическое, граница перехода, семантика, стена, повторяемость, привычный опыт, новое, комфорт и контроль.

Введение

В название статьи вынесены понятия, между которыми существуют сложные и динамичные взаимосвязи. *Повседневность* – это та данная нам в эмпирическом опыте реальность, в которую ежедневно и ежечасно погружен человек и которая становится предметом его постоянной рефлексии. Из чего складывается повседневность? Бесконечную ткань нашего каждодневного существования сплетают пресловутые «мелочи жизни». Какой-нибудь случайный разговор на остановке, лепет младенца в коляске, афиша на заборе, поток машин на шоссе, морозящий дождик, ребячий гвалт на спортплощадке во дворе, судачащие кумушки у подъезда, тревожные sireны пожарных машин, трели мобильных в руках у прохожих... Что-то подобное было вчера, наверное, будет и завтра. Мозаика мириады мелочей наполняет пространство нашего ментального и эмоционального личностного бытия. По отдельным приметам мы опознаем на старых фотографиях или живописных полотнах знаменитых художников повседневность давно ушедшего времени. Канувшие в прошлое марки автомобилей, полузабытые магазинные

вывески, фасоны одежды, прически, случайно попавшие в фотокадр или в фокус созерцания живописца давний календарь, газетная страница.

Фантастическое как небывалое, невероятное, неправдоподобное, нереальное находится за границей нашего привычного опыта. Оно мыслится как некая виртуальная реальность, как вероятностная знаковая система, состоящая из гипотетических ситуаций и еще не постигнутых, а лишь мерцающих символических смыслов. Фантастическое – это то, что вне повседневности, что лежит «за порогом» привычного мироустройства.

Между понятной и прозрачной земной повседневностью и фантастическим всегда есть преграда. Поэтому еще одна категория, значимая в контексте нашей статьи, – это *граница* с ее своеобразным пространством, с ее семантикой и метафизикой, граница динамичного перехода из реального в ирреальное.

Ход исследования

Исследователи в большинстве своем склонны относить к повседневности каждодневные явления и события, происходящие в жизни человека, материальные и духовные составляющие каждодневного существования. Таким образом, повседневная культура – это то, что повторяется изо дня в день; сфера социальной практики отдельной личности, семьи, социального класса или иной малой группы людей; быт (вещи, которые окружают, привычки и каждодневное поведение, социальные и моральные нормы).

Повторяемость повседневности формирует то, что мы называем устойчивым укладом жизни. Его стабильность, относительная неизменность выступает спасительным оберегом в пору кризисных перемен. Нелегко, а может, и психологически невозможно жить в мире, на сто процентов состоящем из элементов Неизвестного и Нового. Не отдохнешь, ибо будешь все время в состоянии непреходящего стресса от постоянного контакта с еще не освоенным внешним миром. Динамичная повседневность материализуется в вещах. Вещи – своеобразные будничные памятники мимолетному. Их ценность не только, а порой и не столько прагматическая, сколько мемориальная, психологическая. Вещи – законная часть нашего духовного и душевного мира, ведь они – свидетели наших профессиональных интересов, разнообразных хобби, социальных связей, географии поездок и путешествий, пережитых эмоциональных потрясений.

Когда-нибудь ученые-гуманитарии будут обстоятельно изучать историю нашей сегодняшней повседневности. Чем она будет для них интересна, эта зримая поверхность нынешней эпохи, позволяющая опознать конкретное историческое время? А она будет интересна, потому что, как и повседневность любой эпохи, обладает значительным символическим капиталом. Как размышлял американский социолог и антрополог Клиффорд Гирц, в любой культуре можно увидеть стратифицированную иерархию структур, состоящих из актов, символов и знаков. Разумеется, будет вычленена такая иерархия значимых структур и в современной повседневности. Ю.М. Лотман, характеризуя повседневность, отмечал, что «именно по манере поведения, по житейским стереотипам, узнаем мы «своего» или «чужого», человека той или иной эпохи, той или иной нации» (Лотман 1994). А Г.С. Кнабе определял повседневность как «сферу непосредственного переживания истории», состоящую из «мыслительных и материальных структур». В этой структуре повседневной жизни исследователи условно выделяли две составляющие – *духовную* (мысли, чувства, переживания, эмоции, мечты и др.) и *материальную* (вещи, предметы быта, интерьера, одежда и др.) (Кнабе 1989).

Между повседневностью и фантастическим пролегает дорога встречного движения. С одной стороны, человек, тяготясь опостылевшей повседневностью, порой покидает привычный мир и устремляется (реально или виртуально) в опасные и рискованные путешествия, например, в космический полет. На этом пути его ждет немало интригующе нового и загадочного. С другой стороны, с нарастающим потоком научных открытий и технических изобретений в само повседневное течение земной жизни неожиданно вторгается новое, вчера еще казавшееся чистой фантастикой. Фантастическое

оказывается, что называется, у нас непосредственно дома. Таким образом, и сфера бытовой повседневности, и сфера фантастического вступают в процесс взаимного ценностного обмена.

Земля нелегко отпускает человека в Космос в силу физических причин. Тут и неумолимый закон всемирного тяготения, и безмерность межзвездных расстояний, и чудовищная радиация, и отсутствие воздуха, воды. Да и на самой Земле у человека нередко на его жизненном пути вырастают преграды. Не случайно столь глубоко укоренено в нашем сознании понятие «стена». На протяжении всей своей многотысячелетней истории человечество прилежно возводило стены. Старинные города невозможно представить без монументальных и надежных крепостных стен. Человек чувствовал враждебность и опасность окружающего мира и хоронился от него за каким-нибудь островерхим частоколом, каменным валом или металлической оградой. Некоторые удивительные стены вошли в сокровищницу мировой культуры и попали в охраняемый реестр ЮНЕСКО. Великая Китайская стена, стены Вавилона и Константинополя, Великая стена Кумбалгарх в Индии, перуанская стена Саксайуамана, Адрианов вал в Великобритании, стена города Стон в Хорватии. Казалось бы, время строительства стен прошло. Но вот во второй половине XX столетия появилась Берлинская стена, а совсем недавно и Израильский разделительный барьер, и возводившаяся по инициативе президента Трампа стена между США и Мексикой.

Но и это далеко не все. С отменным усердием человечество на протяжении череды столетий строило еще и *незримые стены в своем сознании*, причем, эти стены отличались не меньшей прочностью, чем те, что сложены из крепчайшего камня. Что есть всевозможные существующие табу как не такие непреодолимые невидимые стены? Они возникли по разным причинам. Возведение этих незримых преград диктовалось верованиями и принадлежностью к разным конфессиям, жесткой стратифицированностью социума, сословными перегородками, семейно-бытовым укладом, да и просто властью стародавнего обычая, различными стойкими предубеждениями (политическими, этическими, эстетическими), сложным психологическим складом каждой отдельной личности.

В многомерном пространстве культуры все эти разноликие стены давно обрели свой весомый символический капитал. Так, во многих мистических практиках «стена» выступает метафорой тупика на духовном пути. Человек вынужден взаимодействовать с самим собой, причем стена становится надежным средством для рефлексии. Однако этим данная ситуация не исчерпывается, ибо стена выводит еще и на вертикаль, создает новое бытийное измерение, становится поворотным рубежом в личностном становлении, позволяющим устремиться вверх, повысить уровень своего самосознания.

В художественной литературе образ стены очень часто был созвучен мотиву тягостной *несвободы*. Данный мотив в конкретных писательских практиках приобретал много оттенков. Это могла быть несвобода внешняя, физически ощутимая и осязаемая. У внимательного читателя русской классической литературы слово «стена» ассоциируется либо с тюрьмой, либо с мертвецкой, либо с безнадёжностью больничного существования. Такая стена непременно будет *глухой, высокой, мрачной, непреодолимой*. Дополняют стену какие-нибудь непрменные прочные *решетки, тяжелые навесы, карнизы*. Подобных страниц немало в отечественной реалистической прозе. Вот детали, на которых, скажем, останавливает внимание читателя Всеволод Гаршин в рассказе «Красный цветок»: «Справа подымалось белое здание больницы с освещенными изнутри окнами с *железными решетками*; слева — белая, яркая от луны, *глухая стена мертвецкой*» (Гаршин 1980, с. 179). Сходные по стилистике описания стены мы можем найти в прозе В. Короленко, М. Горького.

Этот мотив несвободы, семантически расширяясь, переплетается с мотивом вселенского экзистенциального сиротства, что мы обнаруживаем в творчестве Леонида Андреева. Конечно, прежде всего, на память приходит его известный рассказ «Стена», где

ключевое слово-символ вынесено уже в само название произведения. Однако воплощение этого мотива мы наблюдаем и в других произведениях писателя. Характерен, например, рассказ «Город». Писатель напрямую не употребляет здесь слово «стена», но имплицитный множающийся образ глухих стен, ограждающих замкнутое пространство бытия человека, в тексте вполне очевиден.

«Город был громаден и многолюден, и было в этом многолюдии и громадности что-то упорное, непобедимое и равнодушно-жестокое. *Колоссальной тяжестью своих каменных раздутых домов* он давил землю, на которой стоял, и улицы между домами были узкие, кривые и глубокие, как трещины в скале. <...> Можно было по целым часам ходить по этим улицам, изломанным, задохнувшимся, замершим в страшной судороге, и все не выйти из *линии толстых каменных домов*. <...> Однажды Петров шел спокойно по улице – и вдруг почувствовал, *какая толща каменных домов отделяет* его от широкого, свободного поля, где легко дышит под солнцем свободная земля и далеко окрест видит человеческий глаз» (Андреев 1990, с.378).

Автора пугает катастрофически безмерная отделенность, отъединенность человека от человека в огромном городе: «И каждый проехавший человек был *отдельный мир*, со своими законами и целями, со своей особенной радостью и горем, – и каждый был как *призрак*, который являлся на миг и, *неразгаданный, неузнанный*, исчезал. И чем больше было людей, которые не знали друг друга, тем *ужаснее становилось одиночество* каждого» (Андреев 1990, с. 380).

В художественной литературе образ стены приобретает множество социокультурных смыслов. В фантастическом романе-антиутопии Е. Замятина «Мы» символический образ Зеленой стены призван тотально упростить жизнь «номеров», надежно оградив их от непонятной сложности и недопустимого разнообразия. И это оборачивается гибельной редукцией персонального духовного мира. Романист предупреждает о грозящей опасности возведения подобных стен между человеком и сложной живой жизнью. Яркой символикой был наполнен сборник новелл Ж.-П. Сартра «Стена» (Сартр 2014). Символика была достаточно прозрачна: государственная система порой может обернуться глухой стеной непонимания и жестокого равнодушия по отношению к отдельному человеку.

Однако нынешнее время – время кардинального пересмотра границ. Предметы, явления, процессы, которые представлялись фантастическими вчера, сегодня становятся естественной частью нашего повседневного обихода. Передача на большие расстояния огромных массивов информации; новые технологические возможности коммуникации; так называемый «Интернет вещей»; реальное получение материалов с подлинно фантастическими свойствами; роботизация – все это неотвратимо не только меняет повседневное течение жизни, но меняет и самого человека. Влияние повседневности на наше сознание, на наше самоощущение и отношение к будущему во многом зависит от скорости изменения самой повседневности. Сейчас мы живем в период стремительного увеличения такой скорости. Многие именно в повседневной жизни становятся неузнаваемым. Как писал Д. Роуз, размышлявший о «будущем вещей»: «ковер-самолет, говорящее зеркало, плащ-невидимка, летающая метла, хрустальный шар предсказаний – все те вещи, появления которых мы так давно ждали в нашей жизни, могут стать реальностью и преобразиться вместе с привычными и дорогими сердцу предметами вроде барометра из гостиной или столярных инструментов в мастерской» (Роуз 2015, с. 29). На душевное равновесие современного человека влияет также количество и разнообразие всего того Нового, что буквально вторгается в нашу повседневную жизнь. Сознание не всегда способно выдержать такой обвальный прессинг.

Во все века своего развития все известные цивилизации направляли и направляют свои технологические усилия на увеличение зоны оптимального комфорта человеческого существования. Но в эпоху современной цифровизации достигаемый комфорт неожиданно и парадоксально обернулся увеличением зоны контроля. Комфорт и

Контроль, возведенные в степень тотальности, вступили в конфликт. Как сохранить в этих поменявшихся условиях свою индивидуальность? Меняются нормы социального поведения, меняется сама типология контактов и связей, сфера публичного общения. Человек проходит непростое испытание, с одной стороны, физическим герметизмом (возможности удаленной работы в формате онлайн), а с другой, виртуальной распаханностью в огромный мир.

Мы помним, как часто фабула сатирико-юмористических произведений П. Романова, М. Зощенко, М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова вращалась вокруг ситуации житейского скандала. Скандал был публичной призмой, позволявшей высветить существо характера отдельного человека и общие нравы социума. Семиотический потенциал скандала как социокультурной ситуации сегодня изучается учеными-гуманитариями. Достаточно назвать составленный и отредактированный Норой Букс сборник материалов научной конференции, проходившей в Сорбонне (Семиотика скандала 2008). А вот теперь скандал как радикальное средство выяснения отношений переносится из какой-нибудь конторы, базарной площади, трамвайного вагона, магазинной очереди, коммунальной квартиры в виртуальное пространство социальных сетей. Таковы, скажем, известные случаи буллинга – травли человека в социальных сетях.

Все происходящее сегодня в мире – это совершенно новый социокультурный опыт человека, да и всего человечества. Меняется повседневность как система практических знаний и навыков. Становится другой ценностная шкала психологических приоритетов. Казавшееся прежде незначительным и привычным вдруг обретает обновленную ценность.

Современный человек имеет весьма разнообразный опыт сопряжения иллюзий и реальности. И фантомы нередко выступают в роли тех пазлов, из которых складывается противоречивая и пестрая мозаика действительности. Погружение в вязкую бытовую повседневность, скажем, в каком-нибудь захолустном городе, способно было (по принципу некоей психологической компенсации) развивать в человеке заметно выраженную и остро переживаемую мечтательность. Может быть, без этой мечтательности и не был бы возможен в Калуге Циолковский. Очень часто опостылевшая провинция становится тем берегом, от которого отталкиваются, чтобы уплыть, убежать в большой мир, в пространство настоящей жизни. Показательна в этом отношении судьба Александра Грина. К. Паустовский писал: «Русская жизнь была ограничена для него обывательской Вяткой, грязной ремесленной школой, ночлежными домами, непосильным трудом, тюрьмой и хроническим голодом. Но где-то за чертой серого горизонта сверкали страны, созданные из света, морских ветров и цветущих трав. Там жили люди, коричневые от солнца, – золотоискатели, охотники, художники, неунывающие бродяги, самоотверженные женщины, веселые и нежные, как дети, но прежде всего – моряки» (Русские изгнанники 2004, с. 281). И еще: «Уныло и однообразно тянулась вятская жизнь, пока весной 1895 года Грин не увидел на пристани извозчика и на нем двух штурманских учеников в белой матросской форме» (Русские изгнанники 2004, с.283).

В процессе внешних скорых изменений обычно видят обнадеживающую поступь прогресса. Да, в самом деле, научно-технический прогресс меняет внешний мир, располагающийся *вокруг* человека. Но меняется ли столь же быстро внутренний мир человека, его этические принципы, его глубинные мотивы тех или иных поступков? Сегодня человек вглядывается в будущее с нескрываемой тревогой: какие опасности оно таит? А что если угроза исходит из самого человека? Вспомним, как в романе Ч. Айтматова «Тавро Кассандры» (Айтматов 2018) ткань всего повествовательного целого прошивает сквозной тревожный мотив появления у человеческих эмбрионов изначального нежелания родиться. Ядро эсхатологической катастрофы может быть фактом повседневности, не замечаемой людьми приметой обыденности.

Когда мы рассуждаем о современных скоростях, то чаще всего имеем в виду скорость *физического перемещения* человека в пространстве. За какие-то сто пятьдесят –

двести лет человек создал самые удивительные способы такого перемещения. В жизнь человечества вошли быстроходные автомобили, метрополитен, речные суда на подводных крыльях, сверхзвуковые самолеты, современные скоростные поезда, соперничающие с авиацией. Стали вполне обыденным делом околеземные космические полеты. Входят в обиход летающие автомобили и беспилотники. В лексикон современного человека вошли слова *маглев* и *Hyperloop*, означающие современные транспортные системы на магнитной тяге. И что удивительно – человек достаточно быстро привыкает к такому росту скоростей и тем совершенно фантастическим возможностям, которые открывает прогресс в транспортной сфере.

Однако хочется сказать о другом аспекте этой многомерной проблемы темпов современной жизни. Речь идет о *скорости и количестве изменений* в знаковой системе нашего бытия. Каскад удивительных по стремительности внешних изменений дает человеку иллюзию безграничной власти над миром, но при этом властен ли человек над собой, над своей духовной и душевной вселенной? Не становится ли он простым заложником многокомпонентного вещного мира? Ведь цивилизация создает сегодня фантастически гигантское количество разных рукотворных и не только рукотворных (а и создаваемых роботами) предметов, в том числе и так называемых «умных вещей», наделенных элементами искусственного интеллекта. Не станут ли все эти предметы теми самыми «хищными вещами» века, о которых пророчески писали в свое время братья Стругацкие?

Да, чрезвычайно возросшая скорость изменений, происходящих в так называемой «второй природе» (предметном мире цивилизации), – это серьезное испытание для современного человека, который должен элементарно не растерять себя в потоке бытия. Да, с точки зрения цивилизационных измерений (тысячелетние эры), с точки зрения многовековой Большой истории жизнь отдельного человека – величина достаточно эфемерная, минутная, но такая пропорция отнюдь не отменяет высокую ценность этой единичной жизни.

Художественное сознание всегда было чутко к восприятию многомерного соотношения повседневного и фантастического. Нередко эти моменты соприкосновения данных контрастных сфер требовали от писателя какой-то другой поэтики, влияли на совокупность изобразительных приемов. Порой соединение фантастических описаний и повседневного земного нарратива могло напрямую служить источником комизма. Это мы наблюдаем, например, в романе А.Н. Толстого «Аэлита», когда изображение некоей вымышленной марсианской реальности, требующее соответствующих повествовательных ресурсов, перебивается репликами балагуриющего красноармейца Гусева. Непосредственность поведения героя выражается прежде всего в выборе слова и интонации. «Рожа у него самая ненадежная», – говорит Гусев Лосю об одном марсианине (Толстой 1958, с. 578). С самими марсианами неунывающий Гусев обращается достаточно бесцеремонно, точно с какими-нибудь незадачливыми обывателями, выглядывающими из своих насиженных норок. «Чад у вас, чад, чад, – сказал им Гусев по-русски, – колпак над плитой устройте. Эх, варвары, а еще марсиане!» (Толстой 1958, с. 604). А с марсианкой Ихой он ведет себя так, словно оказался на деревенской околице среди юных односельчанок. «– Почему у вас на Марсии бабы какие-то синие? – сказал ей Гусев по-русски. – Дура ты, Ихошка, жизни настоящей не понимаешь» (Толстой 1958, с. 605). Игровая стратегия А.Н. Толстого-повествователя выражается в том, что претендующие на соответствие романа фантастическому жанру технологические приметы инопланетной цивилизации (летательные аппараты, поющие книги, туманное зеркало, отдаленно напоминающее современное телевидение, и т.п.) соседствуют с почти самыми заурядными «земными» реалиями. В самом деле, герои романа довольно привычно разводят костер из марсианских «кактусов», «разогрели жестянку с солониной, разложили еду на чистом платочке» (Толстой 1958, с. 565). Вот в другом месте обрисованы «земные» движения Гусева – «Гусев стал пробовать плечом металлическую дверь. Налег, – она со

скрипом подалась» (Толстой 1958, с. 569). Иногда это «заземление» производится писателем нарочито, с тем, чтобы несколько разыграть, мистифицировать читателя.

Однако столкновение фантастически-небывалого и житейски-повседневного чревато не только комизмом, оно может приобрести и драматический разворот. Современные исследователи считают визуальность одним из ключей к пониманию XX века как культурно-исторического целого (См.: Ужаревич). Грандиозно-страшное воздействует на человеческую психику именно ввиду своей яркой и жуткой зрелищности. Катастрофические землетрясения, наводнения, разрушительные пожары, войны и мятежи всегда поражают своим масштабом развернувшейся зримой панорамы происшедшего. Эту особенность человеческого сознания и ранимость психики под впечатлением увиденного всегда учитывали террористы. Атака на башни-близнецы в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года поражала зрелищностью самого этого чудовищного акта. Все становились зрителями, весь мир. Все получили одновременно страшный наглядный урок. И это касается не только вселенского Зла. Добро тоже нуждается порой в чрезмерной наглядности. Христос на Голгофе убедителен в силу как раз зрелищности своей прилюдной гибели, обернувшейся символическим подвигом во имя других.

В 1924 году А.Н. Толстой написал фантастический рассказ «Союз пяти». Центральная сюжетобразующая ситуация – ситуация шантажа. Сообщество бизнесменов во главе с Игнатием Руфом разрабатывает план подчинения мира путем совершения зрелищного действия – уничтожения Луны. Пущенные умело в мировом масштабе слухи, а затем и обстрел Луны мощными снарядами порождают массовый психоз, разрушают обычное течение повседневной жизни, что позволяет пяти диктаторам-авантюристам воспользоваться всеобщей паникой и, играя на бирже, фантастически обогатиться. В содержании рассказа преломилась популярная в те годы тема «властелина мира». Достаточно вспомнить такие произведения, как роман «Гиперболоид инженера Гарина» того же А.Н. Толстого, романы А. Беляева «Властелин мира», «Продавец воздуха». И там, и там фантастическое неотвратимо вторгается в пространство повседневности, радикально меняет саму социально-психологическую атмосферу жизни, безжалостно стирая границу между бытием и небытием.

Переход границы между повседневным и фантастическим осуществляется и в повествованиях-*катастрофах* (от романа Г. Уэллса «Война миров», повести М. Булгакова «Роковые яйца» до современных книг, вроде романа Д. Глуховского «Метро 2033»). Фантастичность их заключается в том, что гипотетические человеческие страхи материализуются, еще пока не случившееся изображается как уже случившееся, ставшее страшной повседневностью.

У соотношения повседневного и фантастического есть и еще один смысл. Космические полеты и освоение других планет по сути делают возможным начать жизнь «с чистого листа», создавать идеальное мироустройство, лишённое прежних ошибок и заблуждений. Но что, если и на другие планеты человек механически перенесет свой прежний внутренний мир, состоящий все из одних и тех же пороков, недоразумений и губительных иллюзий. Ведь как раз об этом книга Энди Вейера «Артемиды» (Вейер 2018). Писатель не создает какую-то запредельную, отдаленную по времени фантастику. Описываемое им время действия лишь ненамного опережает современную эпоху. Ситуации во многом реальные. От строительства космического городка на Луне нас не столь уж многое и отделяет. Подобным было сюжетное построение и в прежнем романе этого автора «Марсианин». Но там земное знание о способах выживания в экстремальных условиях помогло в итоге главному герою спастись, а вот в книге «Артемиды» земной опыт, напротив, отбрасывает героев в старый ценностный мир. Автор фактически переносит современную повседневность во всем многообразии ее знакомых и порой не очень привлекательных бытовых реалий и социальных противоречий в инопланетное измерение. Изменилось только пространство, а люди, их чувства, мысли, поступки все те же, что и на Земле. Налицо экстрополяция – прием, характерный для мировидения и

миромоделирования писателя-фантаста. И при этом нет отрыва от реальности, что приближает описываемые ситуации к миру сегодняшнего читателя. Автор не питает иллюзий относительно этической природы человека, не создает утешительных сказок. Текст, созданный автором, взглянувшем на нашу действительность из близкого завтрашнего дня, заставляет задуматься.

Выводы

Граница между сегодняшней реальной повседневностью и фантастическим очень подвижна. Это граница взаимоперехода. Зыбкость такой границы между сегодняшней реальной повседневностью и фантастическим ощущается и людьми подготовленными, посвященными, и носителями профанного сознания, для которых новая техническая реальность еще долго будет оставаться необъяснимым чудом. Но в любом случае художнику всегда интересен человек, оказавшийся на таком парадоксальном пограничном изломе бытия. Человек, воспринимающий эту границу как непростой и порой трудноуловимый объект осмысления, оценки и переживания.

Источники фактического материала

Айтматов, Ч.Т. Белый пароход: [сборник] / Чингиз Айтматов. Москва: Издательство АСТ, 2018. 448 с.

Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т.1. Рассказы 1898 – 1903 гг. / Редкол. И.Андреева, Ю.Верченко, В.Чуваков; Вступ. статья А.Богданова; Сост. и подгот. текста В.Александрова и В.Чувакова; Уоммент. В.Чувакова. М.: Худож. лит., 1990. 639 с.

Беляев А.Р. Собрание сочинений в 8-ми томах / Александр Беляев / Предисл. Б.Ляпунова и Р.Нудельмана. Москва: Молодая гвардия, 1963-1964.

Вейер, Энди. Марсианин: [фантастический роман] / Энди Вейер; Пер. с англ. К.Егоровой. Москва: Издательство АСТ, 2014. 382 с.

Вейер, Энди. Артемиды: [фантастический роман] / Энди Вейер; [пер. с англ. Ф.Гомоновой]. Москва: Издательство АСТ, 2018. 352 с.

Гаршин В.М. Рассказы. Мн.: Наука и техника, 1980. 304 с.

Глуховский Д.А. Метро 2033 / Дмитрий Глуховский. М.: Издательство АСТ, 2019. 382 с.

Замятин Е.И. Сочинения / Евгений Замятин. Москва: Книга, 1988. 575 с (Из литературного наследия).

Сартр, Жан Поль. Стена [Текст]: [сборник] / Жан Поль Сартр; [пер. с фр. Л.Григорьяна, Д.Вальяно]. Москва: Издательство АСТ, 2014. 285 с.

Толстой А.Н. Собрание сочинений: В 10-ти т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1958. 712 с.

Библиографический список

Гройс Б. Утопия и обмен / Б.Гройс. Москва: Издательство «Знак», 1993. 374 с.

Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С.26-46.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб., – «Искусство – СПб». – 1994.

Роуз, Дэвид. Будущее вещей. Как сказка и фантастика становятся реальностью / Д.Роуз; Перевод с английского. Москва: Альпина нон-фикшн, 2015. 344 с.

Русские изгнанники и отверженные / Сост. Андрей Северский. – Челябинск: Аркаим, 2004.

Семиотика скандала: [Сборник статей] / Редактор-составитель Нора Букс. Москва: Издательство «Европа», 2008. 584 с.

Ужаревич, Йосип. Сон после жизни. / Йосип Ужаревич. // Век XX и мир. 1994. №11-12.

Эпштейн М. Первопонятия: Ключи к культурному коду/ Михаил Эпштейн. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. 720 с.